

Татьяна Репина

*Не ангел
больше я*

Неженские стихи

Татьяна Репина
Не ангел больше я

«Издательские решения»

Репина Т. А.

Не ангел больше я / Т. А. Репина — «Издательские решения»,

Лирические герои произведений Татьяны Репиной стремятся к задушевному диалогу с читателем о любви, дружбе, нравственных и эстетических переживаниях, о том, что беспокоит человека в современном мире, теряющем традиционные устои. Вера и Любовь, Честь и Достоинство, Время и Безвременье — основные темы, над которыми размышляет автор. Произведения, вошедшие в сборник, различны не только темами, но и стилем: от гражданской лирики до философских баллад, от любовных стихов до басенных ироничных форм.

© Репина Т. А.

© Издательские решения

Содержание

Беременная женщина	6
Пахнет палой листвою...	7
Солнечное утро	8
Голгофа	9
Воды иордана	10
Подорожник	11
К душе...	12
Оловянные солдатики	13
Безумие	14
Битва суздальцев (икона)	15
Мы – зеки	16
Я обожаю милого	17
Ах эти нежные слова	18
Телефонный разговор	19
Русский мат	20
Змея на солнцепёке	21
Барону Мюнхаузену	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Не ангел больше я Неженские стихи Татьяна Анатольевна Репина

© Татьяна Анатольевна Репина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Татьяна Репина – мало известная широкой публике автор стихов и рассказов из Томска. Впрочем, это не делает её произведения недостойными внимания читателя, любящего вдумчивые и одновременно лёгкие для восприятия тексты. Автору свойственны и мягкий лиризм, и ироничный взгляд на мир, и тонкий юмор, и обострённое чувство несправедливости, и вполне осязаемая гражданская позиция. Её лирические герои стремятся стать для читателя задушевными собеседниками. Им это удаётся легко, а значит, получится и у вас.

Беременная женщина

Беременная женщина,
Как яблоко живот,
Сама с собою венчана,
Богаче всех живёт!

Утиная походочка
И руки – два крыла
Сплелись упругой лодочкой
Чтоб жизнь не уплыла.

В неведомое, дальнее
В безбрежные края,
Где мир всего реальнее:
«Там только ты да я,

Мой миленький, мой маленький,
На ветке тонкой почка,
Ты – мой цветочек аленький,
Сыночек мой иль дочка!

Я всё смогу, всё выдержу,
И ты покинешь лоно
Моё, когда тебя рожу
Под радостные стоны.

Услышу крик отчаянный:
«Вот я! Уже родился
(Иль родилась)! «Не чаю я
Чтоб этот миг случился...

Мой миленький, мой маленький,
На ветке тонкой почка,
Ещё чуть-чуть побудь во мне,
Сыночек мой иль дочка!»

Беременная женщина,
Пред будущим чиста,
Когда-нибудь в надежду нам
Вновь явишь в мир Христа...

Пахнет палой листвою...

Пахнет палой листвою, как на погребенье,
Упокой душу лето, златом вышит покров,
Обнаженных берез бесконечно томленье,
На рябинах – застывшая каплями кровь.

Ни медовый, ни яблочный спас будто не был,
Не услышишь в ночи серенад соловья,
Свечи голых берез скорбно тянутся к небу,
Луч последний прощальный ветвями лова.

Слезы льют небеса по ушедшему лету,
Никнут травы к земле, журавлей косяки
Крик последний отчаянный носят по свету
Молчаливости скорбных берез вопреки.

Вопреки небесам, рвущим тучи уныло,
Приближающим осени стылый исход,
Я с улыбкой подумаю: лето ведь было...
Значит, стоит надеяться – снова придет!

Солнечное утро

Занавеска беременна утром,
На сносях осторожно ступает
За порог, где под солнышком мудрым
Сумрак ночи торжественно тает.

Разродившись волшебными снами
В золотую под солнцем прохладу,
Опадёт кружевными волнами
И замрёт, утру раннему рада.

Вздоргнет, крик услышав петушиный,
Складкой мягкой улыбнётся
И, расправив узор старинный,
Белым парусом вдруг обернётся.

Нет, не парусом, а лебединым
С белым взмахом крылом упругим.
Или облаком... Всё едино!
Ночь минула, поёт утро гимн

Дню грядущему, дальним далям,
Кораблям облаков в поднебесье,
Новым радостям и печалям,
Тем, которые встретим вместе.

Голгофа

На Голгофу вели Христа,
В лицах, душах – испуг и смятенье...
Только совесть Иуды чиста,
Он в толпе стоит скорбной тенью.

Из двенадцати он один
Знал, что делал и видел дальше
Своей совести: «Господин
Мой! Ты верил фальши

Тех, кто истово лез в глаза,
Славословил Тебя и Бога!
Не спасет их Твоя слеза,
Не научит Твоя дорога!»

Сын пред казнью о чаше молил.
Смерть манила вечною славой.
Никого ни о чем не просил
Взявший грех на себя кровавый.

Он стоял в толпе бесноватой
От апостолов в стороне
Перед миром всем виноватый
И великий в своей вине.

Презираемый и гонимый
он пройдет еще сквозь толпу,
Ненавидимый, нелюбимый,
Не к кресту пригвожденный, к столбу!

В мир Святое придет Воскресенье,
День Великих Страстей пережив!
Лишь Иуде не будет прощенья,
Но, как прежде, он в каждом жив!

Прокаженного гонят повсюду,
Услыхав колокольчика звон.
Не отмечен звоном Иуда:
Ты иль я, как узнать, кто он?

Пусть священники машут кадиллом
У подножья Святого Креста,
Лишь Иуда будет мериллом
Всеобъемлющей сути Христа!

Воды иордана

Примите меня, воды Иордана,
В тени прохладной вековых олив!
Одежды белые крестильные не стану
Менять на мирные, слезами окропив!

Воздену руки к небу Назарета
И лягу на поверхность водной глади,
Проникнусь духом Ветхого Завета
И воспарю, на мир земной не глядя!

Подхватят ангелы меня и серафимы
и понесут над миром невесомо.
И я с небес увижу вас, любимых,
В краях далеких, некогда знакомых.

Дадут мне ощутить блаженство Рая
И вновь вернут на воды Иордана.
И я с небес вернусь совсем другая,
Почувствую: не кровоточат раны

И не болит душа, не ломит тело,
И жить хочу, других не отягчая...
На мир гляжу и ласково, и смело —
Я там была, перед вратами Рая!

А коль беда, рассудок помутив,
Придёт, я об одном молить лишь стану:
В тени прохладной вековых олив
Примите меня, воды Иордана!

Подорожник

Я – подорожник! Вдруг споткнешься ты,
Разбив колено, на пути тернистом,
Прохладной, гладкой, жилистой спиной
Я вытяну тебя из боли и страданий...

Пока же, не заметна для других,
Я прорастаю рядом вдоль дороги,
Тебя ведущей, словно поводырь
Слепого...
Я прорастаю с мыслью о тебе сквозь камни
Даже там,
где прорасти нет силы,
Не требуя ни платы, ни вниманья...
Я – недоразуменье на обочине —
Свое присутствие обозначаю стрелкой,
Как указателем, мол, здесь возможна помощь...

К душе...

Ты не покинь, душа моя,
Мое скудеющее тело!
Хочу, чтоб не было предела
Мне на изломах бытия!

Пусть бедер крутизна и плеч
Цвет белый, шелковистость кожи
Лишатся прелести, так что же,
Хочу, чтоб было больше встреч

С детьми, чтоб в сердце сохранить
Ту нить, что связь времен являет,
Что неизменно заставляет
Себя и этот мир ценить;

С друзьями в полуночном цуге
С хмельною чашей круговой,
Чтоб песни слушать, а не вой
Рыдающей над кем-то выюги!

И чтобы хоть кого-нибудь
Мое дыхание согрело,
Ты не покинь, душа моя,
Мое скудеющее тело!

Оловянные солдатики

Вновь тихо плачет на экране чья-то мать,
Сквозь зала мрак горят неярко свечи,
И вздрагивают худенькие плечи —
Их больше некому теперь обнять!

Сменился кадр, уже другая мать
Льет слезы на другом конце планеты!
И мне, как ей, вдруг хочется кричать:
Мой сын, вернись! Мой мальчик, где ты?!

А мой четырехлетний генерал,
Увидев слезы, не поймет, в чем дело.
Солдат игрушечных в строю ровняет смело
И злится, если кто-то вдруг упал!

Я на вопросы отвечаю невпопад,
Я неумелые над ним пою молитвы...
Вся наша жизнь – сплошное поле битвы,
А мы – бойцы на горах баррикад!

Безумие

Мы все сошли с ума!
Все чаще нас зовут
Страной ублюдков и страной юродивых.
И вот уж приготовлена сума
Для той, что мы когда-то звали: Родина.

Наш дом разрушен и тому виной
Наш рабский дух, живой с времен татарских,
Великорусской гордости запой
И смерд, провозгласивший смердов царство.

Наш хлеб насущный застит нам глаза
И взгляд наш не встречает взгляды ближних,
И дети наши как на образа
С недоумением глядят на нас, униженных.

Как объяснить им нашей жизни суть?!
Что есть добро, что зло, и в чем удача?
Куда нас выведет неверный зыбкий путь,
И отчего так часто дети плачут?

Мы все сошли с ума,
Все чаще нас зовут
Страной ублюдков и страной юродивых...
Быть может, дети наши прорастут
В иную Русь душой, признав ее как Родину?!

Битва суздальцев (икона)

В душевной келье седой богомаз
Трет желток, напевая молитву,
Держит долу он пристальный глаз,
отправляя героев на битву.

Звон оружия, ржанье коней,
Копья в небо святое впились,
За гордыню удельных князей
рати в грешном порыве слились.

Стены крепки и рвы глубоки,
Рвутся кони горячие вскач,
Только с берега Леты реки
Все мне чудится чей-то плач...

Нет, не лжет богомаз! На доске
Облак светл, не потуск голубец,
Божья мать взирает в тоске
На заблудших в безверье овец.

Скорбь вселенская, трепетный лик!
Было все! повторяется вновь
Бабий вой и истошный крик
И, как реки, людская кровь...

Но не держим мы долу глаза,
И России святой голубец,
Сохранившийся на образах,
Не сулит ее скорый конец!

Мы – зеки

Есть англичане, турки, греки —
Народов – тьма, их все не перечислить!
Мы ж не татары и не русские, мы – зеки,
Порою не способны даже мыслить!

Глаза потухшие, взгляни на наши лица:
В них жизни свет лишь теплится едва,
И прорастают новые слова
Сквозь проволоку колкую традиций!

Неверие – основа бытия!
Нам даже в друге видится предатель,
Коль смог он выбраться из забвения.
У каждого внутри – свой надзиратель!

Мы не умеем и боимся жить,
Любой делец-пройдоха нас обманет,
Есть камень на душе и фиг в кармане,
И Гамлета вопрос «быть иль не быть?»

Порой нас мучит и краснеют веки
От слез, невыплаканных за века,
Но к тяжкой милостыне тянется рука
И спины гнутся... Все мы – зеки!

Я обожаю милого

Я обожаю милого за то,
Что любит он меня люблюю:
И в модном кашемировом пальто,
И во хмелю, когда я унитаз целую!

Когда несу невыносимый бред,
Когда во гневе бью посуду,
Когда спустя другой десяток лет,
как юная, вновь предаюсь я блуду!

Я обожаю милого за взгляд
То мудреца, то юного повесы,
За то, что уже много лет подряд
Уже седого, но все треплют бесы!

Его люблю неистово, до слез,
Как часть себя, как сердца половину!
Не лгу себе и думаю всерьез:
Вот он уйдет, и я навеки сгину...

Ах эти нежные слова

Ах, эти нежные слова, что ты шептал в порыве страсти!
Я смысл помню их едва, но знаю – рядом было счастье,
Вело неведомым путем, писало дивные картины
И бытие с небытием во мне сливалось воедино!

Мой лепет, твой негромкий стон —
Нет в мире музыки чудесней!
В ней – жизнь и смерть, в ней – явь и сон
Слились в любви извечной песне!

Телефонный разговор

Когда звонит мой милый издалёка,
Я улыбаюсь в трубку телефона:
На свете нет родней, желанней звона,
Когда звонит мой милый издалёка.

Его дыханием и голосом наполнен,
Эфир меня волнует и пленит,
Желанной радостью и нежностью поит,
Его дыханием и голосом наполнен.

Я жду звонка его и знаю, это он!
Не спит иль с мыслью обо мне проснётся,
Мой номер наберёт и улыбнётся...
Я жду звонка его и знаю, это он!

Его руки надёжное тепло
Я чувствую сквозь города и веси,
Как чувствую, грустит он или весел,
Его руки надёжное тепло.

И глаз его лучистых нежный свет
Я узнаю в мерцаньи звёздно-лунном!
Под ним вибрирую как звук в оркестре струнном.
Ах! Глаз его лучистых нежный свет!

Мне не нужны другие, лучше пусть!
Он всё моё: отчаянье, надежда...
Пускай злословят и завидуют невежды,
Мне не нужны другие, лучше пусть!

Русский мат

Русский мат, он красив, словно песня,
Из которой не выбросишь слово,
Если кстати звучит и уместен,
Как перчинка в рецепте для плова!

Может грубым он быть, бить наотмашь,
Может быть по-барковски задорным,
Без него потеряет народ наш
Силу быть только внешне покорным!

Изворачиваясь и кобенясь,
И блюдя лингвистический принцип,
Мы, кривясь, выбираем «пенис»,
А не твердость бравого принца!

Опустив до низов генитальных
Редкой силы слова и накала,
Забываем, что жизнь гениальных
мат из лексики не убирала!

Сам не прочь, и поклонник Баркова,
Пушкин мат культивировал дерзко,
Находя поэтичное в слове
«Блядва», «хуй», а не пошлое – «мерзко».

А ты можешь представить атаку,
Когда смерть расширяет глазницы,
Без орущего матом солдата,
Ощувшего жизни границу?!

Нет, без русского мата и сердце
Стукотит, отдавая хворобой.
Русь без мата, что блюдо без перца:
Остроты нет и вкуса. Попробуй!

Змея на солнцепёке

Я вновь готова сбросить кожу
И выползти на солнцепёк,
Почувствовать себя моложе,
Чтоб было рядом невдомёк

Другим, таким же скользким гадам,
Что за плечами уйма лет,
Что, кажется, дышу на ладан,
Слепа, не вижу солнца свет,

А только чувствую, как греет,
И размягчают свиток кольца.
Чу, ветерок весенний веет,
Замшелый камень больно колется,

Цепляя молодую кожу,
Но это нет, не беспокоит.
Змеиное оставив ложе,
Сейчас хочу я лишь покоя!

Как хорошо, и как привольно!
Вот слышу: стрекотИт кузнечик,
Он тоже ждал тепла, довольны
Все твари долгожданной встрече.

Еще не время бить тревогу,
Сезон охоты не объявлен,
Охотник, жертва, – перед Богом
Мы все равны, но мир отравлен

Войной за право быть сильнее,
И я сдаваться не готова!
Вот отогреюсь... Я умею
Себя собрать и снова, снова

Скользнуть в траве неслышной лентой,
Почувствовать тепло, движенье,
Одним рывком наладить в плен то,
Что жертвой было от рожденья.

Насытившись и разомлев,
Опять усну на камне мшелом...
Не бойтесь, это просто блеф:
Пока я сплю, займитесь делом!

Барону Мюнхаузену

Барон, Вы верно позабыли,
Что не бывает лестниц до небес,
А может быть Вас просто не любили
Иль подшутил над Вами мелкий бес?

Что заставляло Вас опять и снова
Чудить, куражиться природе вопреки,
Иные смыслы добавляя в Слово,
Играя с дураками в дураки?!

Ах, нет, не в памяти провалах дело,
Не в чертовщине и не в чудесах...
Признаться честно, очень бы хотела
Однажды встретить Вас на Небесах

И позабавить Вас нелепой шуткой
И выходкой смешной из ряда вон,
От выстрелов уйдя болотной уткой,
Ножом пронзая серый небосклон.

И Вас, барон, я никому не выдам,
ни другу, ни соседу, ни врагу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.